

ПОСЛЕ мартовских событий прошло, почитай, два месяца. Разоблачительные и поучительные статьи стали появляться реже. «Новая волна», как говорится, «зализывала раны», встречаясь, обменивались новостями — у кого рассыпались набор книги, закрыли фильм, пьесу изъяснили из репертуара, не допустили на выставку. И все-таки все продолжали остеречь, веселиться на последние гроши, петь песенки Окуджавы, никто не бросил писать, а некоторые даже пытались пробовать новые пьесы и сценарии.

В это время, помнится, Тарковский все пробивал свои «Страсти по Андрею». Три года ушло на сценарий (не на написание, а на пробивание, конечно), два года еще потом убеждал начальство, что это не антисоветчина, вырезал куски, перемонтировал, переозвучивал, вписывал какие-то неорганические тексты, пока не разрешили. Итого восемь лет. Феллини за это время снял четыре фильма, ну, а Антониони добрый десяток. Очень харак-

немецкий научный гений. Император купался в Царскосельском пруду, облаченный в полосатый купальный костюм, такому же безобразию предавалась свита, двор и генералы. Мужик, похожий на неандертальского человека, пахал корявой сохой свою глупую землю, ходил в лаптях и тупо голодал. Аристократия жрала, это было основное дело русской аристократии — как следует пожрать. Гуси, осетры, заливные поросята. Бездарные генералы проигрывали войны и тоже жрали. Рабочие-ткачи, эти уже были похожи на кроманьонцев, подвергались безжалостной эксплуатации. Русские купчины жрали ложками икру, хлестали шампанское и били зеркала в бардаках.

И вот забрезжил над ублюдочной страной рейнский гений. На экране появляется косматое облако нового пророка, внутри лицо Карла Маркса, рядом первый помощник Фриц Энгельс. Процесс сочинения основополагающего труда. Сочинен! Дас капитал, дас капитал, дас капитал!

И вот начинается русское чудо. В невежественной темной стране появляются талантливые ученики научного пророка — Владимир Ильич Ульянов-Ленин и его ближайший друг и сподвижник Никита Сергеевич Хрущев. Вдохновенные новым учением, они устраивают революцию, прогоняют царя, а потом и вообще всех эксплуататоров, внедряют в голую рус-

Сами не можете снять хорошего кино, приходится немцев награждать.

Никита Сергеевич вышел в просцениум и начал свою очередную импровизационную речь. Надо отдать ему должное — не любил говорить по бумажке, штампованной идеологической абракадаброй. Хотя и тоже вздор все время нес, но все-таки своими словами, все-таки иногда народная фигура в нем преобладала над аппаратчиком. Попробую воспроизвести, хотя бы в малой степени, этот монолог. Кроме свидетельства, так сказать, времени, есть тут и эстетическое удовольствие.

— От всего сердца благодарим наших немецких товарищей за классовую солидарность в киноискусстве, — сказал Хрущев. — Вот у кого надо брать пример многим нашим киноработникам, и прежде всего таким, как Марлен Хуциев с его незрелыми, а то и вредными идеями. Вот сейчас на Западе начали шуметь, что мы задавили нашу творческую интеллигенцию, а ведь это неверно, товарищи. Только заботой о вас самих продиктованы наши партийные призывы. Ведь мы, большевики... — тут Никита Сергеевич задумался, как бы подбирая метафору, и поднял глаза с некоторой мечтательностью, — ведь мы, большевики... мы как... мы как... мы, как чайки, товарищи... да, как чайки! Ведь если к птенцу чайки, скажем, лиса подбирается... — зал застыл в напряжении, — лиса, лиса подбирается к птенцу чайки (откуда лиса в море, неважно, главное опасность)... — тогда, — вскричал Генеральный, — все чайки с шумом поднимаются, поднимают тревогу, отгоняют коварную лису! Так и мы, большевики, поднимаем тревогу, когда империалисты подбираются к нашей художественной интеллигенции!

Ошеломленные гости, кто тайком, кто в открытую, переглядывались. Им, стало быть, предлагалось вообразить себя коллективным птенцом этих многомиллионных чаек.

— Вот мы награждаем сегодня наших дорогих товарищей Анели и Андрея Торндайков за выдающийся вклад в сокровищницу мирового искусства, а как жалко-то, обидно-то, что никого своего нельзя наградить за аналогичное произведение, и опять приходится нападать на эту вашу, товарищ Хуциев, «Заставу Ильича».

Далее происходит почти то же самое, что и на кремлевской встрече 8 марта, то, что в науке именуется «ошибочная идентификация». Заприметив в одном из передних рядов режиссера Георгия Данелию, Хрущев, видимо, благодаря восточной наружности, принимает его за злокозненного Марлена Хуциева и с этого момента обращается только к нему — и пальцем в него тычет, и мимика вся по его адресу, а Данелия только руками разводит — прервать вождя невозможно.

— Вот посмотрели мы первый раз этот фильм вместе с сыном Сережей. Сергей, ты здесь?

— Я здесь, папа! — ответил из глубины зала авиаконструктор Сергей Хрущев.

— Вот я ворчу, то есть просто прихожу в негодование из-за идейной незрелости, а Сергей мне возражает:

— Папа, ты не прав, в жизни есть такая молодежь, как Хуциев изобразил, я сам видел.

И тут я напустился на моего собственного сына:

— Уходи с глаз моих долой, не понимаешь ты хода истории!

Сергей ушел в свою комнату, а утром мне говорит:

— Папа, я всю ночь не спал, думал о твоих словах и теперь понял, что ты был прав, а не я. Конечно, в жизни есть такая молодежь, как Хуциев изобразил, но не она определяет ход истории!

Вновь возникает пауза, в которой гостям как бы предлагается вообразить себя в роли младшего Хрущева.

— Никого мы давить и никого отсекай не собираемся, дорогие товарищи, из тех, что идут с нами, с партией, с народом. Партия заботится только о дальнейшем расцвете искусства, достойного нашей великой социалистической эпохи, советского искусства и искусства наших братских стран. Еще раз поаплодируем товарищам Торндайкам.

На этой ноте закончилась четвертая и последняя в зимне-весеннем сезоне встреча Хрущева с творческой интеллигенцией. Несмотря на то, что тон был явно примирительный, спедализованный и никого в этот раз не выволакивали на судилище, все снова расходилось в неловком молчании. Очень многие из собравшихся уже понимали непристойный глум этой, так сказать, патроналии.

Моск. комсомолец. — 1991. — 23 апр

Василий АКСЕНОВ

ЗИМА ТРЕВОГИ НАШЕЙ,

или КАК МАРКСИСТ НИКИТА УЧИЛ ПИСАТЕЛЕЙ
ПАРТИЙНОЙ ПРАВДЕ

терный, пример, показывающий, как замечательно наша страна по ленинскому завету использует свои таланты.

Вспоминается сейчас, как иногда в московских спорах всплывало вдруг такое престраннейшее оправдание вождей: ну, что вы от них хотите, они же все из крестьян, настоящие мужики... Мужик, однако, всегда отличался хозяйственностью, собирательностью. Вышвыривание, коверканье, ломанье для него не характерны. Приходится предположить — или это самые плохие из мужиков, или не мужики вовсе, что вернее.

Итак, взбаламученная лужа начала уже успокаиваться, как вдруг — новый кирпич: опять летят по стране правительственные телеграммы с красным околышком. Новое приглашение на пироги к Никите Сергеевичу, на этот раз не в Кремль, а в Дом приемов.

На самых высоких холмах Москвы напротив территории киностудии «Мосфильм» располагается за огромным забором конгломерат правительственных дворцов, окруженных парком. В народе это называется колхоз «Заветы Ильича». Там, говорят, самый чистый в Москве воздух и вообще, как в песне Геннадия Шпаликова: «Там трава немятая, дышится легко, там конфеты мятные, птичье молоко»... Там, среди дворцов, был и так называемый Дом приемов, где уже в декабре имел место основательный идеологический ужин, и вот... Опять приглашают...

В толпе приглашенных у ворот КП преобладали почему-то кинематографисты, народ более просвещенный, более западный, чем писательская братия. Чем угощать сегодня будут, спрашивали друг у друга. Говорят, что хотят показывать нам кино. Какое кино, ребята? Непременно очень хорошее, выдающееся кино.

Кино это называлось «Русское чудо», историческая документальная лента о торжестве марксизма в России, произведение супругов Торндайков. Авторы присутствовали — шустрая гедееровка Анели и крепкий гедееровец Андре. Явилось опять все Политбюро, то есть Президиум или как там тогда это учреждение называлось. Наш Никита Сергеевич был сумрачен. Красавец Леонид Ильич как всегда горделиво поводил плечами. Я подумал: обстановка уже почти семейная.

Забавный штрих. На второй день этой встречи (а она тоже проходила в два приема), когда у ворот я стал вытаскивать свой паспорт, чекист сказал, даже не взглянув на него: «Проходите, товарищ Аksenov!» Дескать, не нужна нам ваша паршивая бумажка, и без нее вас достаточно изучили. Смешанные чувства, признаюсь, посетили меня в тот момент.

Итак, фильм начинается, и что же мы видим на экране, ради чего собрано почтенное собрание? Россия была темной варварской страной, пока не озарил ее

скую почву великое рейнское учение. и вот, товарищи, плоды! Ну кто бы мог подумать — тупые крестьяне стали отменными пограничниками и физкультурниками, брюхатые бабы превратились в звезд балета, зашумели по необозримой стране щедрые урожаи, горделиво поехали комбайны, прилавки ломятся, валяются одна за другой пылающие штуки проката, поднимаются корпуса комфортабельных жилищ. Троцкого в нашей истории не было, не было и Сталина, вместо него были отдельные ошибки времен культа личности, но вот ошибки исправлены, и — в космос, в космос, дорогие товарищи! Заря космической эры! Оплодотворенная щедрым гением страна снова впереди человечества!

Мы сидели в последнем ряду с одним режиссером и переглядывались — вот дает ГДР! Значит, не было у нас до марксистской революции ни философской, ни религиозной мысли, не было ни Пушкина, ни Толстого, ни Достоевского, не было храбрых офицеров, замечательных красавиц, не был построен потрясающий Петербург и Великая Транссибирская железная дорога, не строил Сикорский первые в мире многомоторные бомбардировщики, не плавали по морям русские эскадры, не было у нас многопартийной Государственной Думы, юридической системы и независимой журналистики...

Когда на второй день эта бездарная кино-тягомотина кончилась, началось театральное представление с Генеральным секретарем в главной роли. Никита Сергеевич сказал, что никогда еще в своей жизни он не видел лучшего фильма. Он благодарит кинематографистов Германской Демократической Республики за высокохудожественное произведение, прославляющее марксистско-ленинское учение, великую коммунистическую партию, нашу героическую родину и советский народ. Президиум ЦК КПСС и советское правительство самым высоким образом оценивают труд товарищей Торндайков (произношение фамилий не поддается описанию) и поздравляют их с Указом Президиума Верховного Совета СССР о награждении их (обоих) званиями Героев Социалистического Труда с вручением золотой медали и ордена Ленина. Анели всплеснула руками.

Вручение состоялось тут же, прямо на месте. Брежнев, который тогда занимался именно наградами, вынул откуда-то ордена, приколот их награжденным, где полагается. Грудь двух немцев засияла. Затем началось целование.

Все это происходило на глазах не менее чем трех сотен вполне серьезных, взрослых и неглупых людей. Собственно говоря, для этих людей комедия и предназначалась.

— Видишь, какой перед нашим носом помахали колбасой, — сказал мне мой сосед. — Вот, мол, вам урок, дармоеды.